

ТЕМА И ВАРИАЦИИ: «ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА» В НАЧАЛЕ НОВОГО ВЕКА

Галина Михайлова

Вильнюсский университет
Кафедра славистики

Предметом рассуждений в статье является повесть Валентина Распутина *Дочь Ивана, мать Ивана*, опубликованная в 2003 году¹. Повесть рассматривается как реплика в диалоге с читателем текстов так называемой деревенской тематики. Речь пойдет о соотношении «горизонта ожидания» читателя и «горизонта ожидания» текста распутинского произведения. Иначе говоря, мы будем рассуждать о том, в какой степени новая повесть оправдывает «набор ожиданий»² поклонников творчества Распутина и соответствует сложившемуся канону русского художественного «почвенничества» второй половины XX века, в формировании которого писатель принимал самое активное участие.

Русская «деревенская проза» вообще (и проза Распутина в частности) эсхатологична по определению³. Но в по-

вести *Дочь Ивана, мать Ивана* концепция «иссякания», «старения» русской нации звучит из уст опустившегося шамкающего «разночинца»⁴, и пробле-

именно одного затопляемого, обжитого веками острова, но грандиозный символ уничтожения народной жизни. И даже ещё огромней: какой-то неведомый поворот, сотрясение – расставание и для нас всех. Распутин – из тех прозорливцев, которому приоткрываются слои бытия, не всем доступные и не называемые им прямыми словами». – А.И. Солженицын, «Слово при вручении Премии Солженицына Валентину Распутину. 4 мая 2000 г.», *Новый мир*, 2000, № 5. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/5/solgen.html

⁴ «...И ш начала, и ш конца одно выходит... Ишьякли. Были, шумели и вше вышли. Хоть Шталина жови, хоть Петра. Не поможет. Человек штаритша и народ штаритша. Переливаетша в другой народ. Жакон природы. <...> ...критический период наштупил. Шилы не штало, воли, чешти... Брошились врашшыпную кто куда. В пришлугу перешли. Швоих не любят, перед чужими ползают...». Оппонентами старика, хозяина притона, выступают друг семьи Демин и сын главной героини Иван: «– Да это же целая философия, философия прямо с помоек. <...> чтобы оправдать свое ползучее положение, – посмотри, какое они учение изобрели! <...> Слушай, Иван, тут вот говорят., что наша песенка спета. Русская, значит, песенка спета. Что мы уж ни на что не годимся, только свет впустую коптим. Ты у нас молодое поколение, как ты считаешь? – Попоем еще, – улыбаясь, отвечал Иван. – По-по-ем! – подхватил, зычно пропев, Демин. – Но ты это, – он опять обернулся к Ивану, – ты это так, к слову, сказал или вы там это обсуждаете? <...> – Обсуждаем. – И много вас, кто обсуждает? – Нет, немного. Но много и не надо. – Почему? Отвечай! – Остальные – кисель. Под телевизором угорели. Им все равно. С ними еще работать да работать» (91–92).

¹ Валентин Распутин, «Дочь Ивана, мать Ивана», *Наши современники*, 2003, № 11, с. 3–100. Далее текст повести будет цитироваться по этой публикации, с указанием страницы в скобках.

² Х.Р. Яусс, «История литературы как провокация литературоведения», *Новое литературное обозрение*, № 12 (1995), с. 60.

³ См., к примеру, рассуждение А.И. Солженицына о повести «Прощание с Матерой»: «...не частный человеческий эпизод, а крупное народное бедствие – не

матичность бытия России (ядро эсхатологии писателей-«деревенщиков») рассматривается в контексте необратимой тенденции мирового развития вообще, т.е. в глобальной ситуации «перемещения» народов, при котором судьба русского этноса является частным эпизодом в дрящей истории обессиливания и отступления отдельных наций и государств:

«Огромные и страшные перемещения, от которых взрослые почему-то отворачивают глаза, происходят в мире, одни наступают, другие отступают, и среди вразброд отступающих, растерянных и обессиленных, как приговоренное жертвенное стадо, теснимое к обрыву и не понимающее, что с ним происходит, был и его народ» (77, размышления сына главной героини повести, Ивана).

Поставленный в 1985 году в повести «Пожар» и исследуемый в рассказах 1990-ых гг. вопрос о *единстве* национального «культурного тела как совокупности символов и привычек, данных нам от рождения и воспитания»⁵ к году 2003 практически решен, но не столько Распутиным-художником, сколько Распутиным, скажем, социальным мыслителем, трезво оценившим современную гео-политическую ситуацию. С точки зрения историко-литературной, *Дочь Ивана, мать Ивана* примыкает к известным текстам о *расколатом надвое народе*, в которых нашли отражение столкновение внутри нации и смертный исход немалой ее части. При этом мы подразумеваем не столько русские

литературные тексты о годах Гражданской войны, сколько российскую историческую прозу о «петровской» эпохе, о рубеже XVII–XVIII вв. По Распутину, часть этноса, которая сознательно или бессознательно отреклась и продолжает отсекаться от «русскости», будет «помилована», часть – не умеющая либо не желающая жить согласно привнесенным извне знаниям и правилам – обречена на гибель:

«На самой-самой кромке обрыва вынесут ему [русскому народу – Г.М.] окончательный приговор: одних, просветленных новыми знаниями и новыми правилами поведения, помилуют, других, обсудив, как гуманнее поступить с ними, отправят восвояси, в те глухие и немые свояси, где уже ничего нет. От помилованных потребуют: отрекитесь! И отрекутся. А вслед избранным скажут: вы видели, как много среди них было больных и дурных, преступников и староверов; мы сделали это, чтобы спасти от них мир. И мир согласится: тому и быть, каждый получает то, чего он заслуживает» (77, Распутин устами того же персонажа – юного Ивана).

Выстраивая известную по прежним текстам оппозицию *отрекшихся* от национально-культурной идентичности и *устоявших*, Распутин мало что меняет в символически значимых элементах, структурирующих образы расколовшегося этноса и погибающей цивилизации/культуры. Вновь пущены в ход известная с «Пожара» метафора *расшатавшихся* дома/избы⁶ и общие для

⁵ Михаил Эпштейн, «Проективный словарь философии. Новые понятия и термины № 24. Философия искусства и культуры (7)», *Топос*, 04.11.2004. www.topos.ru/article/2976

⁶ «Присели стены, стыльостью затянуло окна, как-то вдруг сразу, за месяцы, расшатались и заголовили половицы. И руки не поднимались поправлять» (94); «... на крыльчке прогибались и выдавливали гниль половицы, перед пленницей огромная куча

Распутина, Виктора Астафьева, Василия Белова и, отчасти, Бориса Екимова метафоры *кипящего нечистотами потока, руин и обломков, падения в пропасть/бездну*; опять, как в новеллах Распутина 1990-ых гг., негодование персонажей повести проецируется на один из атрибутов современной цивилизации – телевизор:

«С приходом свободной жизни, когда из телевизора, как из волшебного горшка, полезла каша, состряпанная из гадостей, а слово, чтобы остановить ее, перевалившую через порог и забывшую улицу, – слово это потеряли, Тамара Ивановна, недолго катаясь умом, грохнула телевизор о пол и вымыла руки» (21)⁷.

Вышеуказанные образы и составляющие вещного ряда толкуются Распутиным как атрибут близости Дьявола/Антихриста. Известный со времен повести «Живи и помни» мотив оборотничества, чаще всего рассматриваемый как фольклорный атрибут поэтики Распутина: «Слезами, что ли, можно изгнать *заместившее все и вся, превратившееся* в родителя, учителя и государственного служащего бесстыдство?» (22. Курсив

щепы, заплот совсем почернел, осел и прогнулся. Но хуже всего – глубоко просела на северный бок изба. Внутри избы стоял тяжелый спертый запах запущенности и старости. Все больше и больше обращающая внимание на это убожество, Иван думал: “Вот наводиться порядок. Тут, если руки приложить, жить да жить еще можно“» (96).

⁷ Здесь уместно вспомнить известную «эпифанию нашей расе» Артура Кларка: «Тем, кого боги хотят уничтожить, они сначала дают телевизор». Ср. у Распутина: «Похоронили Евстолию Борисовну, скончавшуюся скоропостижно и не по-христиански: перед телевизором, за одним из тех фильмов-убийц, которые ежедневно разрывают сердца пожилых простодушных людей» (95).

мой. – Г.М.), «Исподволь, неслышимым *перетеканием, переместились* горизонты восхода и заката солнца, и все, что подчинялось первичному ходу тепла и света, неуклюже и растерянно *оборотилось противоположной стороной*» (53. Курсив мой. – Г.М) – является, по сути, тем же знаком близости/наличия Сатаны как демона и демиурга инвертированности⁸. Но, в отличие от лобовых публицистических инвектив В. Белова, представившего в автобиографической повести «Невозвратные годы» пофамильный список современных «бесов»⁹, Распутин лишь единожды прибегнул к прямым inferнальным номинациям:

«С ужасом смотрел он и на любимых когда-то *актеров*, днюющих и ночующих теперь в телевизоре: *бесы, бесы* с поведенными на сторону, искривленными дряблыми рожками, с нарисованными уродливо глазами и ртами, с дурацкими ужимками, с пошлой скороговоркой... Ну, не могут же они не понимать... они, бывшие еще недавно умными и талантливыми, вызывавшими восторг одним своим появлением!..» (96. Курсив мой. – Г.М.).

Значительное (по сравнению с малой прозой Распутина 1990-ых гг. или с его публицистическими статьями последних десятилетий) сокращение лек-

---

⁸ С.С. Хоружий, «Бахтин, Джойс, Люцифер», *Бахтинология. Исследования. Переводы. Публикации*, С.-Петербург, 1995, с. 22–24.

О соотносительности «перевернутого пространства» с «парадигмой демонического» в творчестве Распутина см.: Н.В. Ковтун, «Житийные мотивы в повести В. Распутина “Живи и помни”», *Кирилло-Мефодьевские чтения. Материалы II–III Международных научных конференций*. Отв. ред. и сост. А.Г. Лысов, Даугавпилс, 2008, с. 174–193.

⁹ См.: В. Белов, *Невозвратные годы*, Москва: Политехника, 2005.

сических инвариантов Апокалипсиса наталкивает на вопрос о том, насколько абсолютна для писателя расписанная им в повести *Дочь Ивана, мать Ивана* подмена добра злом, истины ложью, света тьмой? Или иначе: насколько правомерно бытующее в литературной критике противопоставление распутинского эсхатологизма жизнеутверждающему пафосу, лауреата премии А. Солженицына (2008 г.) Бориса Екимова?¹⁰ На наш взгляд, актуализации инвертированности (во всяком случае, согласно Распутину 2003 года) ограничены и проявляют себя в определенных сферах: в «торгово-развлекательном царстве», в судебной-правовой сфере, в СМИ и в сфере образования и воспитания. Причем, если в первых трех случаях бесовство очевидно, то в последнем во многом еще находится в стадии заявки на появление (заметим, что здесь Распутин во многом следует букве известного, совместного с В. Беловым и Ю. Бондаревым, письма в газету «Правда» в январе 1988 г.). Важным является также то, что подобная инверсия в повести Распутина отрефлектирована не только персонажами, принадлежащими

---

¹⁰ См., к примеру, комментарий корреспондента «Российской газеты» к названию книги Б. Екимова «Не надо плакать...» (2008): «Очень характерное для вас название. Это лейтмотив вашей прозы: не надо плакать, не надо отчаиваться, надо доверять естественным законам жизни и любить страну своего проживания, в каком бы состоянии она ни оказалась. Вас часто называют деревенщиком, но в отличие от классических деревенщиков, Распутина, Белова, у вас совсем нет эсхатологических мотивов: гибель России, утрата крестьянского рая... От ваших произведений остается чувство, что Россия живет и будет жить». – *Российская газета*. Федеральный вып. № 4609 от 12 марта 2008 г. www.rg.ru/2008/03/12/ekimov.html

к «устоявшей» части нации (Тамарой Ивановной, ее мужем и сыном), но и представителями части «отрекшейся» (базарным торговцем Деминым).

Манифестируемое сходство между частями расколотого этноса, по Распутину, заключается в том, что «ни там, ни там нет согласия и внутри себя» (94): утрачена некая внутренняя «штуковина» у русского человека, без которой «все ходовое хозяйство теряет натяг. Хлябает, трется» (59). Писатели-«почвенники» (и не только они) по-разному толкуют эту потерянную «штуковину»: для Белова – это православие, для Солженицына – государственность и вера и т.д.

Разгадывая же загадку распутинской утраченной «штуковины», внимательный читатель получает ответ на сюжетно-образном уровне повести; невнимательному же разгадка преподносится в виде объясняющей риторики повествователя в финальной части произведения. Первое связано с образом сына главной героини Ивана, обладающего «штуковиной», названной в его случае «прочной сердцевиной, окрепшей в кость» (28). Характер и судьба этого героя означены пунктиром, акцентированы его увлеченность русским языком и «неслучайность» предстоящего отъезда в таежные деревенские края, на родину матери и деда. Отметим при этом обреченность Ивана на однонаправленную траекторию движения, полемизирующую с пониманием свободы как возможности двигаться во всех направлениях. Стезя судьбы, согласно Распутину, определена человеку от

рождения: он направляется *отеческой родословной* (читай «русскостью») «по одной дорожке», как Ломоносов, который «не сбился с пути», потому что «в котомку себе родной холмогорской землицы набрал и все законы из нее вывел» (66).

Аналогично, и в предложениях повествователя подчеркнута *кровная* (скажем так) связь всех русских: «В нас кровь по-другому ходит, ни турками, ни американцами мы сделаться не можем» (59), замещающая собой один из двух факторов, обуславливающих, как известно, концепцию особого пути России, а именно – «сопротивление материала», или некоторые черты исторического, религиозного, культурного характера, не позволяющие России раствориться в западной цивилизации. Если принять во внимание подобный «кровный» акцент на содержательном уровне повествования, то внешняя вопиющая незавершенность повести (вернувшуюся из тюрьмы героиню растерянно обнимает муж, на что она реагирует так: «Что это ты меня как племянницу какую... – сказала строго Тамара Ивановна, отбрасывая в сторону поклажу и освобождая руки. – А ну-ка еще раз!» [100]) компенсируется настойчивой экспликацией «кровного» родства, начинающейся с заглавия (*Дочь Ивана, мать Ивана*) и заканчивающейся репликой Ивана Савельевича, отца героини:

«...отчего это у нас в народе кровь такая молчаливая... такая вялая на родство? Будто и родных нет, а все троюродные да сводные» (87)¹¹.

¹¹ Об идее спасительного для нации «кровного и духовного родства» как предмете «давних и не-

Поэтому трансформации 30-летней давности *кровного Своего* перед лицом теперешней «исчужа заведенной жизни» (82), т.е. *Другого как Иного*, не выглядят так катастрофично, как это было заявлено эсхатологичным сюжетом «Прощания с Матерой». В повести же *Мать Ивана, дочь Ивана* читаем:

«...переселение деревни не оставило тяжелых впечатлений: в тех же жили избах, в том же порядке стояли улицы. И небо осталось в том же растяге, без углов и запаней, какие появляются над искривленной землей» (16).

Вопреки известной, признанной основополагающей для этической мысли XX в., концепции Э. Левинаса об *Ином* в ситуации «близости близкого», которая отнимает у субъектов право на насилие, Другой у Распутина (кавказец, изнасиловавший дочь главной героини) увиден только как явление «чужое», «враждебное» и «опасное»¹², а потому

преходящих» раздумий, о семантике «штуковины» Распутин высказался еще в 2000 г., рецензируя книгу В. Карпова «Можно ли Россию пешком обойти?» (2000): «...мечется вся Россия в поисках потерянного родства. Родства отцов и сыновей, матерей и дочерей, братьев и сестер, разлученных большими и малыми причинами, равно как и большими и малыми соблазнами, и лишившихся в отдалении друг от друга и от родного дома чего-то настолько главного, что как ни назови его – стержнем, сердцевинной или родовой охранной печатью – все будет не то...». – В. Распутин, «А куда в России подевалось родство?», Москва 2000, № 7.

¹² Из застольной беседы двух персонажей повести, Демина и Анатолия: «...я думал, мы по той причине не уважаем себя, что нас... как бы обчужили, втерли в нашу шкуру всякие там вещества, чтобы она на чужое отзывалась с полным нашим удовольствием, а на свое не отзывалась, к своему, значит, была нечувствительна. На чужое клевала, а от своего нос воротила. <...> – А что – не обчужили, что ли! Еще как обчужили! – Было. Ясное дело – было. И никуда не сплыло. Сегодня в 155 раз больше вти-

подлежащее исключению (Тамара Ивановна убивает насильника). Помимо этого, Иной – это «варвар», не говорящий на твоём языке, «доносящем родство всех, кто творил его и им говорил» (82). Очевидно, что этнообразующая и культуuroстроительная функция русского слова для Распутина столь же важна, как и бытие слова в качестве результата культуры (в этом мнение писателя совпадает с суждениями представителей элитарной русской литературы XX в., начиная с Мандельштама и заканчивая Бродским и Битовым):

«...когда есть в тебе это всемогущее родное слово рядом с сердцем и душой, напитанных родовой кровью, – вот тогда ошибиться нельзя. Оно, это слово, сильнее гимна и флага, клятвы и обета; с древнейших времен оно само по себе непоручимая клятва и присяга. Есть оно – и все остальное есть, а нет – и нечем будет закрепить самые искренние порывы» (83).

В таком контексте *деревня* выступает в роли не столько *этического* локуса, оппозиционного городу, что привычно для «классической» деревенской прозы и для Распутина 1970-ых гг., сколько как локус *этнический*, как символ русскости:

«Вот так бы и всегда, не дальше этой тропы. Так бы устроиться, чтоб по утрам, вставая на нее, оборачиваться на родную деревню и ступать потом уверенно, как под благословением» (17-18).

Несмотря на все вышесказанное, в общих чертах концепция биологической и биографической *предзаданных* русского национального характера, русской судьбы, русской идеи у Распутина

рают, чем было. Раньше в кожу втирали, а теперь в душу» (59).

практически не отличается от той, что сложилась еще в 1960-70-ых гг. в так называемой «деревенской прозе» (т.е. у Белова, Абрамова, Яшина и др.). Но она сделалась более очевидной, что позволяет сформулировать исходные установки авторов-«почвенников» в терминах функциональной психологии, описывающей механизмы социализации человека, который «непрерывно рассматривает себя <...> с точки зрения некоего группового сознания (генерализированного *другого*)»¹³. При этом заметим, что прозу Распутина по-прежнему отличает пристальное внимание к *исходному* психологическому складу личности, оказывающему влияние на ее самореализацию в социально-исторической среде, – писатель тщательно выписывает сюжеты «воспитания чувств» у дочери и сыновей в деревенской «родовой» главной героини.

Солидарны ли «деревенщики» (и Распутин в их числе) с известной теорией Ф. Фукуямы о «конце истории», когда расставляют в своих текстах знаки триумфа западной идеи и «распространения западной потребительской культуры»? Думается, нет. И в этом еще одно доказательство ослабления эсхатологического начала в их новых произведениях, или, в терминах Н. Бердяева, смены «пассивно-послушного» эсхатологизма на «активно-творческий, который призывает к преображению мира»¹⁴.

---

¹³ Л.Я. Гинзбург, *О литературном герое*, Ленинград: Сов. писатель, 1979, с. 6.

¹⁴ Н.А. Бердяев, *Самопознание (Опыт философской автобиографии)*, Москва: «Книга», 1991, с. 301.

В повести Распутина речь идет о характере претерпевания нацией определенного исторического временного отрезка. Суть процесса претерпевания состоит в «охранении детей и собственных душ» (23). Не вступая в спор с мифологемой православного русского идеала *смирения* (терпения), на актуально-публицистическом (в репликах резонеров) и на событийном уровнях (центральное событие – самосуд матери над насильником дочери) Распутин говорит о наступившем *пределе* национального терпения, о невозможности отречения народа от самого себя, от своей самобытности:

«упереться и не даваться» (85); «приподнять верхнюю землю над землей исподней, незагаженной, стряхнуть с нее, верхней, могучим движением все, что взросло пагубой, и опустить, обновленную, обратно! Как бы хорошо, если бы такое было возможно и это возможное творилось уже сегодня!» (98).

На структурном уровне повествования эта идея выразилась в том, что проблемный самоанализ персонажей в повести сместился (если сравнивать с «Прощанием с Матерой» и с «Пожаром») от внутреннего монолога в сторону диалога/разговора, «нетленной психеей» которого является, по Л. Гинзбург, самоутверждение: заявление о собственной ценности получает статус социального бытия, становясь законом исторического поведения¹⁵.

В роли же «охранительницы» и «воительницы», осуществляющий изве-

стный по предыдущей прозе Распутина «родовой досмотр» и готовой к сопротивлению, выступает главная героиня повести – горожанка в первом поколении. При всей реалистичности образ Тамара Ивановны облекается чертами языческой архаики – подразумеваем как древние образы «матерей-воительниц», праславянских «дев-богатырок», так и языческий славянский пантеон богинь – Березиню, Ладу, Мокошь. Не случайно в повести Распутина подчеркнута связь главной героини с *Землей/деревней* (на уровне мифологической архаики – с Матерью-сырой землей) и *Водой/Ангарой* как древним символом материнской, жизнезарождающей среды:

«И все чаще в поисках крепости, где можно было бы найти спасение, вспоминала Тамара Ивановна свою *деревню* на берегу Ангары, широкую *луговину*, заставленную березой и сосной, в белой кипени майскую черемуху по обочью, сладкий дух ее в деревне, черемуховые метели после цветения, покрывающие улицу белизной, высокое, вынашивающее землю под собой небо, а под ним на закатной стороне *разлив ангарской воды*, тяжелый и покорный, с глухими и все-таки родными берегами» (22. Курсив мой. – Г.М.).

Тамара Ивановна – насыщенный духовностью канал, необходимый для устояния этнического родства, исторической и национальной памяти (вновь обратимся к названию повести *Дочь Ивана, мать Ивана*, в котором акцентирована «матрилинейная структура родства, наследования, передачи опыта и знаний»¹⁶).

¹⁵ Л.Я. Гинзбург, *Записные книжки. Воспоминания. Эссе*, С.-Петербург: Искусство-СПб., 2002, с. 635.

¹⁶ В. Суковатая, «Гендерный анализ религий и феминистская теология: к постановке проблемы»,

Однако, при кажущейся неизменности прежнего распутинского матриархального идеала, нельзя не заметить и определенных трансформаций образа Женщины как ствола нации. Эти модификации имеют, можно сказать, феминистский оттенок: это сказывается и в реанимации дохристианских верований, «подпирающих» значительность героини, и в экспликации духовности женщины¹⁷, и в тщательно прописанных микросюжетах повести, повествующих о вырождении маскулинной части этноса: трусость, слабость, разъедающая рефлексия мужчин. Так юный Иван, приглядываясь к отцу, сравнивает его с «выпавшей из употребления деталью, ни на что в отдельности своей, вне сборки, не годной и постоянно получающей беззлобные и болезненные пинки»:

«Иван... невольно спрашивал: а мог ли он, отец, решиться на поступок, совершенный

матерью? Не трус ли он? И отвечал себе: нет, отец не трус и на любой решительный поступок он способен, если... Если до него додумается. А он мог и не додуматься не от недостатка ума, а от какого-то особого положения ума, не посягающего на взлет» (76).

Можно смело сказать, что в повести Распутина смещены господствующие стереотипы гендерной иерархической оппозиции: акцентированы физиологические мутации женского пола – «бокастые, горластые, мужикастые те же бабы, да не те. Не легковые, а уж грузовые, с дороги не столкнешь» (61), а портретная и психологическая характеристика главной героини включает такие черты, как устойчивость, решительность, немногословность, рациональность. Тамара Ивановна продвигается «вперед неторопливыми и выверенными шагами, выстраивая свою судьбу как крепость, без единого серьезного ушиба, только дальше и дальше» (8-9).

Согласно Распутину, подобные *мощь* и *«прямоходность»* (9), которые, повторим, все «подвязы» имеют в деревне, в социо-культурной организации жизненного пространства, безусловно, позитивны и отождествляются с представлениями об истинном, правильном, справедливом, имеющим право на будущее:

«...рослая мясистая деваха вела впереди себя вилами по борозде и навивала лохматую кудель, с вилами на весу на вытянутых руках несла ее затем к огню. И стояла с широко расставленными голыми богатырскими ногами, многодумно наблюдая, как огонь пожирает ботву. На заборе неподвижно сидела кошка и тоже наблюдала за происходящим в огороде. Очищенную бо-

Gross Vita. История, теория, методология гендера.
Вып. 2. giacgender.narod.ru/n2t1.htm

¹⁷ «Песни она слышала из себя не однажды, и все того же тонкого тоскующего голоса. Она терялась от мысли, что она совершенно себя не знает. Все видимое имеет какую-то функцию, все пойдет в дело, для жизни и продолжения жизни, но нельзя же всю женщину, сколько ее есть, определить в постель и на кухню. Она вся туда не поместится, и не все будет принадлежать мужу. А что же есть то, что останется свободно, что-то сверхчувственное, не плотское, держащее себя в чистоте, устраивающее хозяйский обход, ласкающее женщину, когда не хватает ласки, и тихо-тихо перебирающее ее струны? Бывало, Тамара Ивановна стыдилась себя перед этой сокрытой в ней частью, где она возгорается не огнем желания, а огнем чистого вдохновения и вся-вся порывисто и неудержимо приготавливается для счастливого подвига. Одна из многих и многих миллионов женщин, похожих на нее, она, благодаря этой особой сверхчувственности, этой способности самопроникновения, могла считать себя единственной: такая и не такая, кое-что есть и еще» (20–21).

розду тут же захватывали курицы и принимались деловито что-то подбирать, ни разу не вскудахнув, не вспорхнув в тревоге... Пустынная эта картина почему-то взволновала Тамару Ивановну до комка в горле. Господи, неужели сохранилась еще где-то *цельная и размеренная жизнь, а не одни ее обломки?* Неужели такие *девахи, способные уверенной поступью ступать по жизни и внушать спокойствие всему, что есть вокруг*, еще не изведены? Тамару Ивановну нельзя было обмануть: *эту с могучих ее ног не собьешь, и она в мелкую тараканью жизнь не влезется*» (98, одна из последних страниц повести. Курсив мой. – Г.М.).

Попутно заметим, что все сказанное в отношении реанимации матриархального идеала в современной русской деревенской прозе (в лице Распутина), конечно, не сравнить с актуализацией украинского матриархатного мифа, с верой в основополагающую матриархальность украинской крестьянской семьи, с превращением образа Берегини из составляющей украинской национальной мифологемы в один из центральных элементов официальной государственной идеологии¹⁸.

18 См. об этом: Оксана Кись, «Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа», *Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и гендерная история*. Под ред. Н.Л. Пушкаревой, Москва: Российская полит. энциклопедия, 2003, с.156–172.

Итак, заостряя проблему, можно сказать, что повесть *Дочь Ивана, мать Ивана* сознательно вызывает у читателей определенной социальной и идеологической группы традиционный, с жанровой, стилистической и смысловой точек зрения, «горизонт ожидания». Повесть Распутина демонстрирует, что нынешняя русская «деревенская проза» носит антиглобалистский, антимультимедийный, антитранскультурный характер, т.к. в ней утверждаются твердая национальная и культурная идентичность, архаические святыни почвы и крови. Это, а также ориентация на феминоцентрированную архаику, архетип или, точнее, кенотип как «прообраз возможного или грядущего» (М. Эпштейн) высшего женского существа означают собой вариант романтического охранительного национализма, исключая в случае Распутина (в отличие от, к примеру, В. Белова) определенные базовые концепты («Москва – Третий Рим», идея доминирующего положения России в организации славянского мира и т.п.) и утверждающий возможность резких метаморфоз внутри этноса, предвосхищающих позитивные исторические сдвиги.

TEMA IR JOS VARIANTAI: NAUJOJO AMŽIAUS PRADŽIOS „KAIMO PROZA“

Galina Michailova

S a n t r a u k a

Valentino Rasputino apysaka „Ivano duktė, Ivano motina“ (2003) nagrinėjama kaip dialogo su „kaimo prozos“ skaitytojais replika. Straipsnio autorė analizuoja dviejų lūkesčių horizontų – skaitytojo ir teksto santykį. Tyrimo išvados yra tokios: tam tikros socialinės ir ideologinės grupės skaitytojams Rasputino

apysaka žanro, stiliaus ir prasmės požiūriu atspindi nusistovėjusį, įprastą lūkesčių horizontą.

Apysaka atskleidžia, kad šiuolaikinė rusų „kaimo proza“ yra antiglobalaus, antimultikultūrinio, antitranskultūrinio pobūdžio, – Rasputino tekstas siekia įtvirtinti stiprų nacionalinį ir kultūrinį identi-

teta, archainę žemės ir kraujo sampratą, aukštesnės moteriškos esybės archetipą. Tai leidžia šiuolaikinę „kaimo prozą“ priskirti konservatyvaus romantinio nacionalizmo tekstams. Tačiau Rasputino apysakoje, skirtingai nuo kitų rusų „kaimo prozos“ autorių tekstų, nėra kai kurių pagrindinių konser-

vatyvaus nacionalizmo konseptų, pvz., „Maskva – trečioji Roma“ arba Rusijos dominavimo slavų pasaulio struktūroje idėjos. Rasputino tekstas siekia įdiegti rusų *ethnos'o* pasikeitimų galimybę ir atitinkamai tolimesnę pozityvią istorinių poslinkių perspektyvą.

Получено: 2008, август

Принято: 2008, сентябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Slavistikos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: galina.michailova@flf.vu.lt